
ТАЙНЫ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ПОЛИТИКИ,

или Почему
нормальное государство
не может жить без правозащитников

Москва
2010

Отпечатано при финансовом содействии Института «Открытое общество»

Под редакцией: Дмитрия Макарова и Анны Добровольской
Дизайн обложки, макет, верстка: Андрей Бубликов, Ирина Ежова

Книга включает в себя статью Андрея Юрова, известного правозащитника, просветителя, социального философа, о соотношении правозащитной и политической деятельности, а также отзывы и комментарии к основному тексту общественных деятелей и лидеров ведущих правозащитных организаций постсоветского пространства. Издание предназначено не только для гражданских активистов и правозащитников, но и для всех тех, кто интересуется современной публичной политикой, вопросами прав человека и их местом в современной государственной системе.

Отпечатано в ООО «ЛБ Контракт» по заказу Московской Хельсинкской группы.
Тираж 1000 экземпляров. Для бесплатного распространения.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Предисловие редакторов
- 9 **ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ, или Почему нормальное государство не может жить без правозащитников**
- 9 **Часть I. Права Человека и политика (мнимое сходство и базовые различия)**
  - 9 1. «Политика» и «Права Человека» — подходы и проблемы
  - 11 2. Язык и Права Человека
  - 12 3. Права Человека и политика
  - 17 4. Общественные проблемы и Права Человека
- 21 **Часть II. Роль правозащитников и правозащитных организаций в современном государстве**
  - 21 1. Правозащитники и государство
  - 22 2. Правозащитники и власть
  - 24 3. Защита Прав Человека как способ изменить Систему
- 27 **Отзывы и комментарии**

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Эта книга рождалась долго и сложно. Нам было важно выпустить статью нашего учителя Андрея Юрова — правозащитника, просветителя, социального философа, который уже не первое десятилетие воспитывает будущих правозащитников и гражданских активистов Восточной Европы и Центральной Азии. Нам было важно не только опубликовать статью «Тайны Прав Человека и политики...», но и сопроводить ее текстами ведущих правозащитников из самых разных стран, спровоцировав новые размышления в этом направлении. Тема соотношения прав человека и политики обсуждается в правозащитном движении на постсоветском пространстве очень давно и по-прежнему всплывает во многих дискуссиях.

На фоне «оранжевых революций» и «оранжевой паранойи» властей правозащитники на постсоветском пространстве не раз слышали обвинения в том, что они «лезут в политику» и «подрывают устои государства». В России мы хорошо помним ожесточенные споры между правозащитниками и оппозиционными политиками вокруг их совместного участия во Всероссийском Гражданском Конгрессе и все предшествующие попытки вовлечения правозащитного сообщества во всевозможные объединения политической оппозиции. Те, кто отказывался становиться под знамена политических группировок, сталкивались с недоумением, а иногда и с упреками в недопустимом «сотрудничестве» с властью. Логика «кто не в нашем лагере, тот против нас» зачастую действует одинаково по обе стороны политических баталий.

Но чем дальше, тем больше мы убеждаемся на своем собственном опыте в том, что и в «оранжевых», и в «суверенных» демократиях общество особенно остро нуждается в инструментах эффективного гражданского контроля за властью, в тех, кто выбирает «третий путь» и готов жестко следить за действиями властей, независимо от того, кто победил (или не победил) на очередных выборах, напоминая о приоритете прав и свобод человека и гражданских инициатив по отношению к так называемым «государственным интересам».

Несмотря на бесспорную актуальность темы, мы обнаружили,

что доступных и современных текстов, опирающихся на все эти продолжающиеся дискуссии, практически не существует, и нам нечего дать в руки участникам разных образовательных мероприятий по правам человека, регулярно проводимых Московской Хельсинкской Группой и Молодежным Правозащитным Движением (МПД) — будь то волонтеры правозащитных организаций, активисты гражданских и политических групп, чиновники государственных органов и т.п., — задающим вопросы о том, в чем особенность правозащитной деятельности, ее отличие от политической борьбы.

Статья Андрея Юрова — это как раз попытка в простой и доступной форме изложить размышления о том, почему нормальное государство не может жить без правозащитников, и дать ответ на вопрос, кем являются правозащитники и кем они НЕ являются. Но в то же время эта статья — часть гораздо большей дискуссии, элементы которой отражены в сопровождающих текстах. Мы попросили написать отзывы на эту статью ведущих правозащитников самых разных стран: тех, кто работает в России, Украине, Беларуси, Азербайджане, Казахстане и кто во многом формирует лицо современной правозащиты в постсоветском пространстве (а поскольку большинство из них, как и сам автор, к нашей гордости, принадлежат и к числу почетных участников международного Молодежного Правозащитного Движения (МПД) либо членов его Общественного Совета, то, работая со следующим поколением, формирует еще и лицо правозащиты будущей).

Будущее нам еще предстоит определить. К сожалению, правозащитников в странах постсоветского пространства слишком мало. Даже на территории стран Совета Европы и ОБСЕ они постоянно подвергаются угрозам, преследованиям, нападениям и убийствам — за свои действия по защите и продвижению прав человека. Чем меньше становится правозащитников — тем слабее и гражданский сектор в целом. Несмотря на то, что правозащитные организации — лишь малая часть гражданских групп, положение правозащитников в стране — один из показателей развития гражданского общества и степени его защищенности от произвола власти. Если в ближайшие годы защитников прав человека не станет больше, то права человека так и останутся объектом торга и манипуляций, красивой фразой в политических заявлениях. И если правозащитники не смогут черпать поддержку в сильном гражданском обществе — то их просто перебьют, пересажуют или вытеснят. Эффективная деятельность правозащитников возможна тогда, когда есть значительное число людей,

общественных инициатив, гражданских групп, пусть напрямую и не занимающихся правозащитой, но разделяющих ценности прав человека, понимающих особенности правозащитной деятельности и осознающих ее особость и важность. Только тогда возможны широкие сети поддержки и солидарности – среди гражданских активистов, стоящих на позициях защиты верховенства права, достоинства личности, пространства свободы. Лишь в таком случае можно надеяться на продвижение наших обществ в сторону более высоких стандартов соблюдения прав человека.

Дмитрий Макаров,

координатор Инициативы по защите гражданского общества
международного Молодежного Правозащитного Движения (МПД),
координатор проектов Московской Хельсинкской Группы

Анна Добровольская,

Член Координационного Совета
международного Молодежного Правозащитного Движения

ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПОЧЕМУ НОРМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

Часть I. Права Человека и политика
(мнимое сходство и базовые различия)

*«Мы каждый день занимаемся только политикой, и больше ничем.
И мы стараемся держаться как можно дальше от политики, никогда не участвуем в ней!»*

Из выступления одного современного правозащитника

1. «Политика» и «Права Человека» – подходы и проблемы

Начнем с вопросов. Тех, что в последнее время стали особенно часто возникать – и в «новых независимых государствах» (в том числе – в России), и даже в «старых демократиях». Видимо, здесь есть какие-то очень принципиальные вещи, если в последние годы тема соотнесения «Прав Человека» и «политики» стала такой важной. Если само ее обсуждение приводит не только к идеологическим конфликтам, но к международным скандалам, изменению законов и влияет на работу всего гражданского общества во многих странах – а значит, отражается на жизни миллионов и миллионов обычных людей (не очень-то интересующихся политикой и не слишком хорошо представляющих, что такое «Права Человека», правда ли эти права у них есть, и с чем их есть...).

Почему правозащитников упрекают в том, что они «занимаются политикой»?

Почему многие правозащитники не знают, что на это отвечать?

Почему политики часто используют правозащитную риторику?

Почему многие общественные действия правозащитников и акции политических организаций так похожи?

Почему все-таки важно отделять «гражданские и правозащитные действия» от «политической борьбы»?

От слова «политика» многих уже давно тошнит. Это плохо. Плохо, когда граждане считают эту сферу помойкой, куда порядочным людям не следует соваться. Это значит – еще не скоро сами граждане смогут участвовать в настоящей политике и действительно менять свои страны, не отдавая все на откуп узкой «политической элите». Впрочем, есть немало примеров, когда люди, совсем не интересующиеся политикой, вдруг «просыпаются» и говорят: «Хватит!», – и тогда они становятся активными участниками политических процессов. Но это – тема для отдельной большой книги...

Понятие «Права Человека» почему-то до сих пор (несмотря на все старания многих недоброжелателей) остается очень модным. И поэтому многие политические и околополитические силы (нередко – оппозиционные) именуют свои действия «правозащитными». Иногда – это просто дань моде и желание «примазаться» к сфере деятельности, завоевавшей своим бескорыстием и многолетним трудом серьезный авторитет в обществе. Иногда – желание все извратить. Иногда – просто недомыслие или откровенная глупость. Кто только ни называет себя «правозащитниками» или «гражданскими активистами» – от полунацистских групп до политических проходимцев, стремящихся ухватить кусок власти или деньги каких-нибудь фондов.

Даже часть самих правозащитников (особенно – работающих на региональном уровне) не всегда понимает фундаментальные различия между «гражданской деятельностью» и «политической борьбой». Иногда такие люди совершенно искренне не понимают этих различий и затрудняются определить, чем же они *на самом деле* хотят заниматься. Особенно часто это встречается у недавно созданных молодежных «общественных организаций».

Подход, который здесь хотелось бы представить, основан на трех утверждениях:

1) оба жанра – и «политическая борьба», и «гражданские действия» (в том числе – защита Прав Человека) – нужны и важны для современного («модернизированного») демократического государства, но именно как совершенно самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством («*Нация – это народ, овладевший государством*», – К. Дейч);

2) между ними есть принципиальное различие, прежде всего – в целях и, соответственно, в стратегиях и тактиках работы; более того, эти жанры не только не близки, но во многом совершенно

противоположны;

3) смешение этих двух жанров ведет к весьма печальным последствиям – мы получаем и плохую защиту прав людей, и не очень внятную политическую деятельность.

Конечно, это не единственный подход к проблеме, но очень многие известные правозащитники – и Востока и Запада – придерживаются именно его. И именно он дает им возможность успешно действовать, защищая Права Человека и в своих странах, и на международном уровне.

2. Язык и Права Человека

Мой хороший друг, один из лидеров гражданской экологической сети ГРОЗА, любит повторять афоризм: «Язык – это фашизм». Я с этим отчасти согласен. Потому что язык действительно определяет очень многие вещи. И нередко для изменения реальности необходимо изменить язык. Не отдельное понятие – а именно язык!

Приведу несколько примеров, связанных с Правами Человека.

Первый пример. Может быть, вы заметили (и это стало особенно актуально в последние лет пять-семь), что «правоохранительные органы» во многих странах (в том числе – в России) все чаще именуется «силовыми структурами». Между этими словами есть фундаментальная разница. Силовая структура – структура, которая с помощью силы должна защищать власть. Правоохранительные органы – органы, которые должны защищать право. Разница не просто есть, а она прямо-таки принципиальная! Мне кажется, что чем чаще мы будем милицию называть силовой структурой, а не правоохранительным органом, тем больше она будет становиться именно такой структурой. Чем чаще мы будем им говорить, что они на самом деле *правоохранители*, тем чаще мы будем им напоминать о том, *зачем* они созданы и что они *на самом деле* должны делать. Так и язык газет и ТВ, и наш повседневный язык напрямую влияют на работу отдельных институтов наших государств.

Второй пример. По поводу приспособленности некоторых других языков именно к сфере права и Прав Человека. Есть такое английское слово «privacy» («прайвеси»), которое в контексте Прав Человека на русский язык переводится как «право на неприкосновенность частной жизни» (многие правозащитники даже используют сокращение – ПНЧЖ!). Ну, не было на наших территориях, по большому счету, никогда такого права, не было

такого института. Нет и слова...

Третий пример. Почти о том же. Есть такое английское слово «advocacy» («эдвакаси»). Нам приходится переводить его как «действия в защиту общественных интересов». Длинно? Тяжело? Там всего одно слово, а у нас пять.

Говорят, что у финских народов есть 40 слов, которые дают определение снега, а у нас – снег и снег... Так же и с терминологией в сфере права, Прав Человека и защиты общественных интересов... Рано или поздно нам придется приспособливать и наш язык, и международную терминологию под наши реальности. Если мы хотим, чтобы гражданское общество стало сильным, общественные проблемы благодаря гражданским действиям решались быстро и эффективно, Права Человека стали бы реальностью, а право на неприкосновенность частной жизни уважалось бы и властью, и другими людьми.

Но «гражданский и правозащитный язык» – тема для отдельных исследований, книг и многолетней работы.

А что касается «политики» – то здесь мы тоже сталкиваемся с языковой проблемой. Употребляя одно и то же слово, мы порой имеем в виду совершенно разные, а иногда – почти противоположные вещи.

3. Права Человека и политика

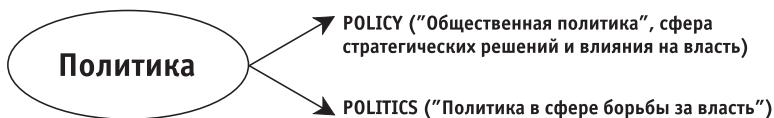
Первое. Проблема терминологии.

Начать стоит с того, о чем мы говорили чуть выше. В русском языке (да и во многих других языках) одним словом «политика» называют очень разные вещи. В этом смысле английский язык точнее (видимо, он оказался более развит в общественно-политической сфере, в то время как русский – богат другими темами). В английском языке существует два термина: POLICY и POLITICS.

POLICY («полиси») – это то, что мы называем «**общественной политикой**». Это, если говорить точнее, не политика, а **стратегия** целенаправленных действий. В этом ряду мы часто говорим о *молодежной политике, социальной политике, правовой политике* и т.п. В этом смысле Права Человека являются такой же *общественной политикой*. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите Прав Человека в отношении своих граждан.

Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту самую «общественную политику».

POLITICS («политикс») – это то, что называют сферой **борьбы за политическую власть** на каком-либо уровне. И вот как раз в той политике, что обозначается словом «politics», правозащитники не

участвуют.

Например, защита права на свободные выборы и контроль за честностью выборов – это абсолютно правозащитная деятельность. Потому что это попытка заставить власть исполнять статьи национальной Конституции и Европейской Конвенции по Правам Человека о честных и прозрачных выборах. Но это и общественная политика, направленная на восстановление доверия народа к институту выборов и реализацию права народа на участие в принятии жизненно важных решений. Здесь правозащитники не отстаивают интересы кого-либо из кандидатов или партий, а лишь – право народа участвовать в принятии решений, в том числе и при выборе власти.

Второе. Проблема целей.

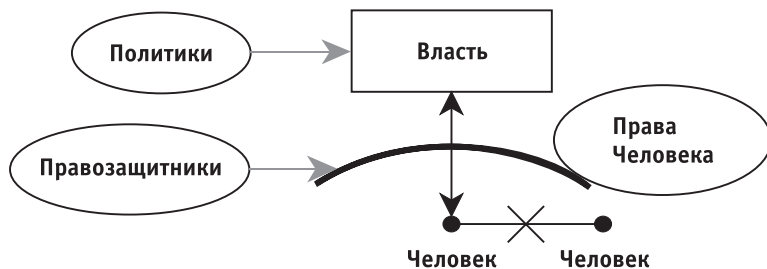
Когда правозащитники и гражданские активисты проводят гражданские, общественные действия (акции, кампании, митинги) – «действия в защиту общественных интересов», – многие их шаги внешне очень похожи на политические акции. Более того – в процессе их акций и кампаний критика действий власти может быть очень жесткой. Но между гражданскими действиями и политическими мероприятиями есть принципиальное различие.

Цель правозащитников и гражданских активистов – решать общественные проблемы, защищать права людей. Правозащитники, как щит и – одновременно – как посредник-модератор, всегда находятся *между* человеком и властью. И при любых действиях, даже достаточно жестко оппонировующих власти и критикующих ее, задача правозащитников и гражданских активистов – НЕ дискредитировать и НЕ захватить власть, а *защитить интересы народа и остаться на том же самом месте*, в роли щита и посредника-модератора (в технике «модератор» – это регулятор силы, скорости, интенсивности цепной реакции в атомном реакторе и т.п.). А значит – для системного решения

общественной проблемы и защиты прав – им необходимо вступить с властью в *диалог*, начать с ней *взаимодействие* и – именно в результате такого взаимодействия – добиться установления новых правил, новой системы, решающей проблему и определяющей более высокий уровень защиты прав.

Цель же политической оппозиции – подчеркнуть негативные стороны существующей власти и *стать новой властью*, по большому счету – стать новыми нарушителями Прав Человека, потому что не существует власти, которая никогда бы не нарушала Права Человека (цель других политических сил может быть – присоединиться к действующей власти, стать ее частью).

В этом смысле любой правозащитник должен четко понимать, что когда он выступает в защиту общественных интересов, власть никогда не должна являться врагом, она является только *оппонентом* и – *потенциальным партнером*. Потому что результатом любых действий в защиту общественных интересов является решение конкретной и важной для многих людей общественной проблемы. А любое «окончательное решение» (в виде нового закона, постановления или утверждения новой правоприменительной практики) все равно принимается легитимной властью (ведь именно от какого-то властного органа мы и добиваемся решения проблемы). И власть должна *согласиться* на это решение, иначе она не будет его исполнять! Любая наша общественная кампания будет бессмысленной тратой времени и сил или сведется к не совсем корректной саморекламе вместо помощи людям, если мы не будем готовы к такому взаимодействию. Именно поэтому гражданские активисты стремятся *видеть власть* вначале – в качестве оппонента, а потом обязательно (!) –

в качестве партнера.

Дискредитация власти и борьба против нее вредит правозащитной деятельности, потому что с врагом невозможно сесть за стол

эффективных переговоров (с врагом возможны лишь временные перемирия с целью набраться сил и снова начать «войну», а затем – добиваться «капитуляции»). Поэтому и сама власть, и гражданские организации должны очень четко отличать, где речь идет об акциях и кампаниях в защиту общественных интересов (в том числе – действиях правозащитников, экологов, профсоюзных активистов и т.п.), а где – о политических информационных мероприятиях. И сами правозащитники не должны бездумно лезть в политические действия, чтобы потом у людей и власти не возникало в голове каши (а если они вдруг участвуют в таких политических действиях *в личном качестве*, то это необходимо очень четко и публично *оговаривать!* – да и то непонятно, как это все-таки возможно...).

Здесь уместны несколько примеров.

Пример первый.

В 1989-90-х годах одна из известнейших в Польше организаций – Хельсинкский Фонд по Правам Человека – оказалась перед серьезной дилеммой. После «бархатной революции», после того, как участники «Солидарности» и других организаций, участвовавших в антитоталитарном сопротивлении, получили возможность войти в правительство, многие члены Фонда могли стать достаточно высокопоставленными должностными лицами новой власти. Но как же быть с их статусом правозащитников? И как тогда они смогут защищать жертв уже нового, «хорошего» режима, которые все равно будут? Было принято решение: те люди, которые идут во власть, *приостанавливают членство* в Хельсинкском Фонде по Правам Человека. Они должны понимать, что отныне они – на стороне власти (неважно, хорошей или плохой, но – власти), а Хельсинкский Фонд должен будет защищать людей теперь и от них, от представителей этой новой власти. Отныне бывшие друзья – уже не соратники, а *оппоненты* (хотя в личном плане они могут и должны оставаться друзьями). Было принято принципиальное решение, что в этих новых условиях Хельсинкский Фонд должен остаться на том же самом месте – щита – между человеком (любим, который стал жертвой нарушений Прав Человека, даже если до этого он сажал активистов Сопротивления в тюрьмы!) и властью. Правозащитники обязаны защищать не только «своих» и тех, кто нравится, но всех, точнее – защищать справедливость. Даже если жертвы несправедливости не слишком приятные люди, и у правозащитников могут быть к ним старые личные счета...

Пример второй.

Вацлав Гавел, известный чешский диссидент, писатель, один из

творцов «бархатной революции» в Чехословакии, отсидевший за свои убеждения.

Когда он стал президентом Чехословакии (еще даже не Чехии), то честно обратился к своим бывшим соратникам и призвал их открыто активно критиковать его действия, *если им дорого то, ради чего они боролись так долго*, поскольку теперь он будет представлять власть, а значит – является потенциальным нарушителем Прав Человека. Ибо если они теперь не будут его критиковать (помня, что это «их друг-президент»), значит, все, за что боролись, – зря; значит, боролись – не за справедливость и не за изменение системы, а всего лишь за то, чтобы сменить одних, «дурных», властителей – другими, «хорошими». Вот это – замечательное понимание роли и места гражданского активиста, с одной стороны, и политика – с другой. Это – понимание того, что с завтрашнего дня ни один, даже самый замечательный политик, не в силах сменить всех полицейских, тюремщиков, работников паспортных столов и т.п., – а значит, они будут продолжать нарушать Права Человека. А он, как высшее должностное лицо, готов нести за это ответственность. Стремиться исправить ситуацию, но отвечать за нарушения прав от имени государства. Следовательно – ему просто необходима «обратная связь», критика со стороны гражданских активистов – тех своих бывших соратников, кто не пошел во власть, но остался между властью и людьми, чтобы защищать их права.

Эти два примера отражают понимание жесткого водораздела между политической деятельностью («политикой»), с одной стороны, и правозащитной работой («Правами Человека»), с другой. Каждый гражданский активист должен четко осознать: хочет ли он в ближайшем будущем идти во власть или же готов остаться на правозащитных позициях, в самом сложном положении – «между» – в роли «щита и защиты для людей от власти», а также «посредника-модератора». Несмотря на всю свою возможную популярность и стремление как можно быстрее изменить ситуацию, придя во власть.

Важно осознание того, что, если правозащитник идет во власть, он, к сожалению, перестает быть «действующим правозащитником» и становится «реальным политиком». И важно, чтобы и власть, и общество в целом научились понимать, с кем они имеют дело, – с политиком или правозащитником, – и в соответствии с этим были бы готовы выстраивать стратегию взаимодействия. При этом, естественно, хорошо, когда политик разделяет принципы Прав

Человека, осознает роль и обязанности (!) власти по их защите – и в этом, только в этом смысле, является правозащитником.

Третье. Проблема асимметрии.

Политики (особенно – находящиеся во власти или собирающиеся во власть) должны признавать Права Человека и способствовать их эффективной защите. Именно как представители «сферы власти/сферы политики». Они обязаны в той или иной мере заниматься Правами Человека!

Правозащитники, действуя в сфере «общественной политики», совершенно не обязаны хоть как-то участвовать в политической сфере борьбы за власть. Они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите Прав Человека. Более того, они должны занимать достаточно активную позицию по отношению к политическим силам – «поддерживая справедливость и выступая против неверных политических тенденций». Но гражданские активисты совершенно не должны участвовать в борьбе за власть. Им это даже противопоказано...

Создается несимметричная ситуация?

Да. И это связано с природой власти и правозащитной работы.

Власть обязана *соблюдать* Права Человека по отношению к людям. По большому счету, именно для обеспечения этих самых прав ее и выбирают. Для политиков это – обязанность.

А гражданские активисты выступают в роли «защитников прав людей», для них это – общественное служение, которое они выбирают добровольно, исправляя то, с чем не может справиться власть. И именно в этой своей уникальной роли они особенно эффективны.

4. Общественные проблемы и Права Человека

Еще больше сужая сферу защиты Прав Человека, мы должны отделить теперь уже даже не «политику» как иную сферу, а очень близкое направление – гражданскую активность – от собственно правозащитной работы.

Зачем?

Дело не в том, что защита других общественных интересов менее важна. Но только разделяя виды проблем, можно научиться

эффективно их решать, понимая, какие стратегии и тактики в каждом случае применимы и эффективны.

Здесь не хочется всерьез останавливаться на том, что такое «общественная проблема» (это тоже – тема для отдельных книг, лекций, семинаров и т.п.). Интуитивно мы понимаем, что речь идет о какой-то серьезной *несправедливости*. Причем, как правило, в отношении значительного числа (иногда – тысяч и даже миллионов) людей.

И когда мы говорим о *решении общественных проблем*, или, как это часто называют, *Действиях в Защиту Общественных Интересов*, мы чаще всего сталкиваемся НЕ с нарушениями Прав Человека (в строгом смысле), а с какими-то другими *типами «несправедливостей»*.

Итак, к правозащитникам и гражданским активистам регулярно обращаются люди со своими проблемами. Обращаются, когда чувствуют некую несправедливость. Особенно – когда такие проблемы носят массовый характер. С моей точки зрения, есть три разных типа проблем, три типа «несправедливостей». И нам принципиально важно понять, к какому типу проблем относится ситуация, с которой к нам пришел тот или другой человек (или группа людей).

Понять – чтобы помочь!

Первый тип проблем – это не только нарушение закона (права), а именно *нарушение Прав Человека*. Его важно выделять, потому что по поводу таких нарушений можно использовать именно *механизмы защиты Прав Человека* – и национальные (внутригосударственные), судебные и внесудебные, и международные, – чтобы добиться справедливости. Это все пункты, например, Европейской Конвенции по Правам Человека – право на жизнь, свобода от пыток и жесткого обращения, право на справедливый суд, свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций и т.п. О механизмах защиты именно «Прав Человека» написаны сотни толковых книг, и поэтому можно, не «изобретая велосипед», использовать опыт других правозащитников.

Второй тип проблем – когда нарушен закон (право), но это право не относится собственно к Правам Человека. Если, например, грубо нарушен закон о защите прав потребителей, то это, конечно, явная несправедливость и нарушен закон, но защита прав потребителей не относится к Правам Человека. В этом случае пожаловаться в Европейский Суд нельзя. Это – законы нашего государства. И мы должны искать методы защиты от нарушения

таких законов. Здесь тоже много своих эффективных методов борьбы с несправедливостью.

В каком-то смысле это – расширенный вариант несправедливости 1-го типа, но там мы все-таки отдельно и преднамеренно выделили именно Права Человека – как универсальный и международный стандарт.

Третий тип проблем – то, что мы называем «общей несправедливостью». Это часто очень важные вещи, но они не относятся ни к категории права, ни уж тем более – Прав Человека. Когда нет закона, на который мы могли бы сослаться, в защиту общественных интересов.

Если в вашем городе плохие дороги, много пьяных (не хулиганов на улице, а просто пьяных), высокие цены на проезд в городском транспорте и т.п., то для людей это очень важно. А вот закона, позволяющего на кого-то подать в суд, чаще всего нет.

И мы должны осознавать, что такие моменты, конечно, относятся к общественным интересам и, может быть, к «задачам государства», но пока (до принятия соответствующих законов) – не к области права и уж точно не к «Правам Человека», как бы нам ни казалось это все несправедливым.

То есть даже сфера гражданской активности (если хотите – *общественной политики*), или – борьбы с «несправедливостями», лишь в очень малой части касается собственно Прав Человека (всего лишь как первого типа «несправедливостей»). Даже здесь различия существенны. И даже здесь необходимо четко разграничивать формы и методы деятельности, не пугая Права Человека с любой «защитой справедливости».

Тогда неудивительно, что, по мнению многих правозащитников, между сферой Прав Человека (всего лишь как части *гражданских действий* в целом) и *политикой* лежит пропасть.

Часть II. Роль правозащитников и правозащитных организаций в современном государстве

---

1. Правозащитники и государство

Очень часто правозащитников обвиняют в том, что они якобы разрушают государственность. Говорят, что они лишь «поднимают крик» там, где не нужно, и тем самым «роняют международный авторитет» своей страны.

Вопрос в том – зачем настоящие правозащитники критикуют власть? Для того, чтобы дискредитировать ее (как часто делает оппозиция) и сделать саморекламу? Или для того, чтобы власть прислушалась к ним и начала позитивные изменения?

Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что правозащитники *укрепляют государство*. Сила государства в доверии к нему граждан. Если граждане не верят государству, то оно разваливается (так произошло с СССР).

Правозащитники, вроде бы «ругая» государство, добиваются позитивных сдвигов, заставляют государство идти навстречу человеку. Тем самым они укрепляют доверие, пытаются сблизить человека с государством! И, таким образом, служат государству и обществу.

Еще здесь очень уместен популярный во многих странах образ гражданских активистов (в том числе – правозащитников) как «сторожевых собак» / *watchdogs* (или, если хотите, – *watch* как *стража*, *дозор*, или даже – *watches of the night* как «стражи ночи», «ночной дозор»). Роль «сторожевых собак» – возвысить голос, когда кто-то (например, представитель власти или бизнеса) идет нарушать права граждан, а уже дело всего общества («гражданского

общества») и даже власти (если это разумная власть!) – вовремя остановить нарушителей и тем самым защитить справедливость. Так что и здесь «ругань» – это вовсе не негатив, а совершенно конструктивная форма защиты прав людей.

Когда «западный» человек говорит о государстве, он говорит «мы», он себя отождествляет с государством. Человек из «Восточной Европы и Центральной Азии» очень редко говорит «мы» про свое государство. Он всегда проводит четкую черту между «мы» (люди) и «они» (власть). Он себя жестко отделяет от власти, тогда как западный человек, как правило, этого не делает.

Правозащитники же пытаются разрушить барьер между «они» и «мы». Они пытаются сказать, что государство – это тоже «мы». И те, кто нарушают Права Человека, – это мы же, потому что государство состоит из нас.

И, что еще очень важно, именно правозащитники и правозащитные организации являются одним из трех типов «внесудебных механизмов защиты Прав Человека» (помимо государственных и «смешанных» институтов), признанных и на национальном, и на международном уровне. Среди документов ООН есть даже Декларация № 53/144 от 09.12.1998 года, которую иногда называют «Манифестом прав и обязанностей правозащитников».

Именно правозащитники помогают государству выполнять одну из самых важных его функций – защиту прав и свобод человека и гражданина. Именно они напоминают государству, зачем оно нужно людям. И именно они сами делают то, что пока не успевает, не может или не умеет делать государство в сфере защиты прав каждого из нас.

2. Правозащитники и власть

«...Правозащитник всегда готов работать с властью, если она легитимна и не превратилась в диктатуру. Если для кого-то власть – это враг, то мы имеем дело уже не с правозащитником, а с революционером, бунтарем. Я как правозащитник критикую власть там, где ее нужно критиковать, и хвалю там, где ее нужно хвалить. Вне зависимости от своих личных чувств к тем или иным политическим фигурам...».

Цитата из публичной лекции одного известного европейского правозащитника.

Гражданские активисты – правозащитники, экологи, активисты других организаций – это те, кто на самом деле защищают власть от перерождения и, следовательно, – от падения. Они делают

любую власть более человеческой. В стране, где правозащитники сидят в тюрьмах, власть не слишком крепка, даже если это диктатура (она рано или поздно развалится). В стране, где много правозащитных организаций, и они критикуют власть, а власть к ним прислушивается и взаимодействует с ними, – вот там власть является влиятельной и авторитетной, а значит – сильной. Там не будет сильного социального взрыва. Роль правозащитников и гражданских активистов – это еще и социальное посредничество-модерация, позволяющее избегать тяжелых конфликтов и революций. Это нужно очень четко понимать.

Часто власть сама не понимает, что правозащитники укрепляют эту самую власть. И пытается с ними ссориться. Вместо того, чтобы поддерживать их работу и конструктивно взаимодействовать с ними.

Правозащитные организации пронизывают своеобразными социальными нитями пространство между властью и обществом, позволяя людям защищать свои права, решать проблемы и чувствовать «возможность справедливости», что важно для каждого человеческого существа.

Они создают дополнительные социальные связи. И власть становится не далекой и бесчеловечной, а более понятной и близкой людям, потому что они видят не только несправедливость, но и торжество закона.

Правозащитники – это люди, которые сделали свой выбор: быть всегда между властью и человеком – в роли щита и посредника. И при любой власти они будут здесь – на этом месте. А политики – это те, кто хочет сменить существующую власть на новую – «на самих себя» (на власть, которую они, видимо, считают более «хорошей»). И значит, они, политики, с момента их прихода к власти – хотя они того или нет – станут новыми нарушителями Прав Человека.

Я не верю в то, что если завтра к власти придут одни замечательные люди, то сразу не будет нарушений Прав Человека. Будут при любой власти. Будут – по определению. Такова природа власти. Так же, как, с другой стороны, ее задача – защищать Права Человека.

И поэтому для нас, правозащитников, работы всегда будет много. Кто бы ни был у власти. И как бы мы к ним ни относились. Если мы, конечно, правозащитники и готовы постепенно – шаг за шагом, год за годом – менять ситуацию и решать проблемы защиты Прав Человека – системно и последовательно.

3. Защита Прав Человека как способ изменить Систему

Еще несколько слов о *механизмах* защиты Прав Человека. Принципиально важно, чтобы в национальном законодательстве и на международном уровне существовали не только «записанные права» («*материальные права*», статьи конвенций и т.п.), но существовали бы и «*процедурные (процессуальные) права*» – разнообразие механизмов защиты Прав Человека (в том числе, внесудебные и негосударственные формы: правозащитные организации, полугосударственные, полуобщественные комитеты, комиссии, круглые столы, переговорные площадки), чтобы с их помощью можно было решать вопросы не только в пользу одного человека, а сразу для тысяч – через изменение закона или правоприменительной практики.

Защита Прав Человека – это не только бесконечные судебные процедуры и правовые консультации, это не только правовое просвещение, это еще и **изменение системы**. Правозащитник – это не тот, кто бесплатно помогает страждущим. Правозащитная организация – это не благотворительная богадельня для всех, у кого нет денег заплатить адвокату. Любая правозащитная организация (и государственная, и негосударственная) это, прежде всего, структура, в которой думают о стратегических изменениях в законах или в правоприменительной практике – таких, которые улучшают ситуацию с Правами Человека сразу для многих (благодаря чему выигрывает все-таки каждый отдельный человек!). Для правозащитников принципиально важно решение этих стратегических вопросов.

Если будут эффективно работать правовые системы и действительно механизмы будут совершенно иными, тогда не нужно будет тысяч бесплатных адвокатов, которые сидят на приеме, бесконечно консультируют людей. С моей точки зрения, 90% нарушений Прав Человека происходят на самом низовом уровне (паспортные столы, общение человека с представителем милиции, вопросы доступа к простой информации в администрациях разного уровня и получение очень простых справок и документов, которые нужны человеку в повседневной жизни), эти нарушения можно очень быстро и эффективно решить, причем не для одного человека, а сразу для миллионов.

Эти **стратегические задачи** и являются **способами защиты Прав Человека**, механизмами улучшения ситуации с их соблюдением.

Игорь Аверкиев,

*председатель Пермской Гражданской Палаты
Пермь, Россия*

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, НО ПЕЧАЛЬНО НЕСВОЕВРЕМЕННО

Статья Андрея Юрова о «тайнах прав человека и политики» замечательна, но печально несвоевременна. Этот текст – глоток чистого, прозрачного воздуха из уходящей в историческое небытие эры Просвещения. Этот текст – напоминание о существовавшем когда-то в наших головах светлом царстве Разума, Прогресса и Гуманизма. Для автора важны смыслы понятий, императивы миссий, логика идеологом. Он пытается вернуть читателя к рациональным смыслам прав человека, гуманизма, политики. Андрей Юров обращает нас к человеколюбивым и свободолюбивым основам правозащиты и противопоставляет эти основы сегодняшней соцзащитной и околополитической суете правозащитного актива. Автор прав, прав во всём, но, боюсь, среди тех, кому адресована статья, нет спроса на такую правоту.

Тех, кого в России принято называть «правозащитниками», в большинстве своем, вполне устраивает собственная политизация и социализация. Очень удобной для корпоративного выживания оказалась и невнятная безбрежность миссии, и отсутствие чётких этических принципов в отношениях с властью и людьми. Каждого правозащитника сегодня, в конечном счете, устраивает его ниша, его способ «защитить права человека». Любое задумывание о смысле, о миссии с железной необходимостью разрушают привычный образ жизни, заскоруюзлую диссидентскую идентичность. В итоге – жизнь одним днём, боязнь рефлексии, страх перед будущим, паника как способ освоения действительности.

Большинство тезисов Андрея Юрова покажутся многим его коллегам, в лучшем случае, оппортунизмом, в худшем – изменой. Но тезисы эти – всего лишь результат честного разматывания правозащитной логики из гуманитарной и свободолюбивой сути прав человека.

Люди, подобные автору «Тайн», – ментальные иностранцы в российском правозащитном мейнстриме, носители чужого ценностного языка. Да, статья Андрея Юрова несвоевременна, поскольку обмен Свободы на социальную Справедливость произведён, принят и признан в российском правозащитном сообществе. Человеческое достоинство заменено на «социальную защищённость», миссионерство свободы и человечности – на обслуживание интересов «лево-консервативного консенсуса». Однако на стороне Андрея Юрова то простое обстоятельство, что российское правозащитное сообщество, сформировавшееся в 90-х годах, постепенно уходит с гражданской сцены, и есть надежда, что новое поколение рыцарей человеческого достоинства научится, наконец, не только противостоять власти, но и «ДЕЛАТЬ ЛЮБУЮ ВЛАСТЬ БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕЧНОЙ».

Людмила Алексеева,

---

*председатель Московской Хельсинкской Группы
Москва, Россия*

О ТАЙНАХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ

Андрей Юров написал очень нужную статью. В ней нет никаких авторских открытий: для правозащитников в странах с развитой демократией то, о чем он пишет, – прописные истины.

Но Россия, увы, не относится к таким странам, и у нас даже активные правозащитники с большим стажем работы в этой области не всегда могут провести границу между правозащитной и политической активностью. Предостережение против такого смещения особенно своевременное потому, что в условиях активного наступления властей на права и свободы граждан российское общество поневоле политизируется (действие равно противодействию), и правозащитники тоже могут впасть в эту крайность. Однако сейчас в России, пожалуй, существует и другая опасность для правозащитного движения – боязнь твердо и открыто защищать не только социальные и экономические, но и гражданские и политические права, полагая, что защита этих прав – есть политика. Эта опасность усугубляется тем, что представители власти нередко выступают именно с такими обвинениями. Скажем, наблюдение за честным проведением выборов объявляется вмешательством в политику; протест по поводу запрета какой-либо оппозиционной партии проводить митинг это, с точки зрения властей, тоже вмешательство в политику.

Андрей Юров очень четко проводит границу между политической борьбой за власть и защитой гражданских и политических прав, что является правозащитной деятельностью в чистом виде. Напомню, что в советские времена правозащитники защищали вообще только гражданские и политические права. Не потому, что они пренебрегали социальными и экономическими правами. Но на защиту всего спектра прав человека у очень немногочисленных

тогда правозащитников просто не хватало сил, и они сделали разумный выбор: защищать только гражданские и политические права, поскольку без обладания этими правами (право на объединение, право на митинги и демонстрации, право на получение и распространение информации и т.д.) мы не могли защищать и социально-экономические права граждан.

В общем, очень полезное и своевременное разъяснение по этому поводу сделал Андрей Юров.

Валентин Гефтер,

*директор Института Прав Человека
Москва, Россия*

СЛОВО О СЛОВАХ

По ходу обдумывания краткого введения «на заданную тему» у меня возникал простой импульс: не вступить – сознательно или ненароком – в дискуссию с тем или иным автором. И не только из-за боязни проиграть спор по существу, а просто потому, что мне предмет обсуждения «политика и права человека» кажется, во многом, «игрой в бисер».

Утверждения (ниже одни цитаты) про «неполитическую политику» или, наоборот, о правозащитнике «как реинкарнации «профессионального революционера», о миссии «не дискредитировать и не захватывать власть, а защищать интересы народа» и, более того, дистанцироваться от любой власти и борьбы за нее; про «помогать конкретному человеку» или юридически отстраненно обслуживать отдельные группы населения и так далее до бесконечности – представляются мне малопродуктивными, по крайней мере, с практической точки зрения. А возможно, и теоретически тупиковыми – как бы ни была интересна и полезна для умственного развития эта интеллектуальная забава...

Так в чем же смысл ведения такого рода полемики и возможны ли хоть какие-то выводы? Не берусь предлагать решительные ответы и, тем более, делать выбор между разными подходами, но не могу удержаться от изложения своего взгляда на данную проблему.

Гражданский активизм вплоть до политической борьбы за неотъемлемые права (в т.ч. на восстание или самоопределение народов, непосредственное участие в управлении государством и отправлении правосудия) – все это может или могло быть правозащитой. И не менее, чем представление законных прав и интересов (общественных и индивидуальных) в тех же судах,

работа над законами или мониторинг их правоприменения, правовое просвещение или разработка системы обеспечения общепланетарного правопорядка.

Дело не столько в том, какие права и каких людей защищать. И не в том, каков инструментарий той или иной формы активности. По моему мнению, существенно то, каким этическим императивам и рациональным требованиям отвечает она. Можно ли их сформулировать непротиворечивым и общепринятым образом? Не уверен, но попробую перечислить некий их ряд. Хотя бы в виде открытых вопросов:

- Возможно ли принуждение к свободе, к соблюдению прав человека? Сопрягается ли концепция прав человека с какими бы то ни было формами даже спровоцированного и/или адекватного реальным угрозам насилия?
- Допустима ли защита одних людей (групп) и соблюдение одного рода их прав путем нарушения или хотя бы игнорирования прав других и иного рода прав?
- Согласимся ли, что не существует (даже в виде исключения) случаев, когда права одного человека могут быть принесены в жертву интересам групп, общества, государства, всего человечества, не связанным с непосредственным нарушением «однопорядковых» прав составляющих их личностей?
- Означает ли в таком случае приоритет верховенства Права, что безоговорочное следование его постулатам (например, в виде ответов на предыдущие вопросы) выше международного мира и интересов государств, этно-конфессиональной или партийно-корпоративной принадлежности, лично-семейных привязанностей, профессионального долга? И тем более о политической целесообразности, т.е. оправданности достижения «идейных» целей не во всем правовыми средствами?

Наверно, таких вопросов или развилок можно набросать еще несколько. Но убежден, что, в первую очередь, по выбору между подобными «дилеммами», а не по перечисленным вначале правозащитным «параметрам», и можно судить, отвечает ли та или иная деятельность самими же нами сформулированным ценностям.

Итак, дело не в политичности/аполитичности того, чем занимаются правозащитники и чего от них ждут. Суть в необходимости понимания, есть ли у нас свои аксиомы, удастся ли их сформировать и принять, а главное – им следовать в повседневной работе.

Олег Гулак,

*председатель Белорусского Хельсинкского Комитета
Минск, Беларусь*

К ВОПРОСУ: ПОЛИТИКА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В статье «Тайны Прав Человека и политики» Андрея Юрова – моего уважаемого коллеги, лидера международного Молодежного Правозащитного Движения (МПД) – изложены мысли о соотношении правозащитной и политической деятельности. В целом разделяя их, хочу выразить некоторые собственные соображения.

Вопрос о соотношении политики и прав человека, о политиках и правозащитниках, поднимаемый автором, действительно очень важен в современном мире.

Политическая деятельность, иными словами, деятельность, направленная на приход во власть определенного человека либо определенной структуры, – это конкурентная деятельность, в которой заинтересованы конкретный человек либо конкретная структура. Конечно, важно, чтобы каждый имел возможность заниматься политикой, если того желает. Но эта возможность уже относится к категории прав человека.

Права человека, равно как и правозащитная деятельность, – ценность, которая стала важной составляющей мирового порядка, предмет интереса всего мирового сообщества. Отношения ко многим странам и общественным деятелям строятся через призму соблюдения ими прав человека.

На мой взгляд, такое положение вещей в наше время приводит к тому, что имеется достаточно много желающих, как говорится, смешать все в кучу. Одни – те, кого не устраивает такая высокая роль прав человека, – пытаются нивелировать ее и принизить общественный статус правозащитников, отнеся их к «оппозиции, которая добивается места у государственной кормушки». Другие –

те, у кого не хватает общественной поддержки, чтобы прийти во власть, – пытаются усилить свои позиции за счет международной поддержки, используя международный интерес к правам человека, а иногда и спекулируя им.

Действуя в противоположных интересах, и те, и другие способствуют размыванию в общественном сознании границ между политикой и правами человека.

И тех, и других объединяет главное – они политики. Права человека для них – лишь одно из средств достижения их целей. Именно это и отличает их от правозащитников, поскольку цель правозащитников – защита и развитие прав человека.

Движение к этой цели возможно, а значит, и необходимо уже при существующей в конкретной стране власти. Конечно, этот тезис трудно применить к совсем уже диктаторско-людоведским режимам, открыто отвергающим сами понятия «демократия» и «права человека». Однако сегодня даже наиболее критикуемые режимы все-таки вынуждены называть себя демократическими. Страны с такими режимами входят в ООН, а некоторые и в Совет Европы, и даже участвуют в их международных механизмах защиты прав человека.

Действуя в целях развития и защиты прав человека, правозащитник критикует власти за нарушения прав человека. Но при этом он может и должен отмечать положительные шаги властей и даже хвалить их за это, соразмеряя, естественно, объем похвал с реальным улучшением. Потому что помнит о своей цели.

Политики, если и отмечают положительные действия своих конкурентов, то не преминут указать, что это сделано под их давлением. Потому что их цель – доказать свою успешность и компетентность, поднять свой рейтинг.

Также очень важен вопрос о допустимости средств, применяемых для достижения целей.

Никого не удивляет неразборчивость политиков в выборе таких средств – черный пиар, частые перегруппировки и смены партнеров и коалиций – далеко не самые «грязные» технологии. За это политиков не критикуют (или почти не критикуют). Считается, все средства хороши для достижения электоральной поддержки. Добившись власти, политики получают право на управление обществом и государством.

Для правозащитников же чистота средств не менее важна, чем сами цели. Именно это дает правозащитникам моральный авторитет и доверие к их оценкам, доводам и суждениям!

Но так просто эти вопросы выглядят лишь в теории – вот в чем основная проблема. Жизнь намного сложнее. И грань между политикой и правозащитой провести в реальной жизни очень непросто. А соответственно, непросто обществу понимать, с кем оно имеет дело и как выстраивать стратегию взаимоотношений.

На мой взгляд, примеры из истории Польши и Чехии, приведенные автором, недостаточно иллюстративны. Интересно, кем диссиденты сами себя считали, пока боролись с тоталитарным режимом, ставили ли тогда перед собой задачу стать властью?

Когда после смены недемократических режимов правозащитники сделали выбор и отказались войти во власть, – все понятно, они правозащитники. Когда, войдя во власть, диссиденты продемонстрировали готовность быть критикуемыми со стороны правозащитников – бывших коллег по лагерю, – яркий и красивый пример, каким должен быть ответственный политик.

Гораздо сложнее давать определение тогда, когда силы, называющие себя демократическими, еще борются за смену недемократических режимов, причем период этой борьбы затянулся на многие годы. В такой ситуации в рядах оппозиции автоматически оказываются все – и политики, которые борются за власть, и правозащитники. Происходит так потому, что все политики, как те, что у власти, так и те, что в оппозиции, заинтересованы поделить все по признаку «свой-чужой». Независимых правозащитников не терпят ни те, ни другие. Конечно, в этой ситуации у правозащитников гораздо больше общего с оппозиционными политиками, которые так же критикуют власть. Иногда правозащитники с политиками проводят совместные действия, им вместе приходится противостоять давлению властей.

Нередко такая ситуация приводит к тому, что правозащитники начинают сами путаться в своих целях, переключаясь на борьбу за смену власти, тем самым становясь на поле конкурентной борьбы за власть и теряя свой моральный перевес.

Такой поворот приводит к еще большей политизации проблемы прав человека, что зачастую создает дополнительные препятствия для их защиты и реализации. И крайне затрудняет для структур общества понимание, с кем они имеют дело и как выстраивать стратегию взаимодействия.

Особенно усугубляется разница между политикой и правозащитой в ситуациях, когда недемократические власти начинают делать маленькие шажки (как правило, вынужденные) в сторону улучшения практики в области прав человека. Интерес правозащитников состоит в том, чтобы «застолбить» и развивать эти улучшения, постепенно добиваясь большего. Поэтому они отмечают положительные изменения и предлагают, что надо сделать еще. Многие же политики, исходя из принципа «чем хуже властям, тем лучше нам», будут доказывать, что никаких изменений на самом деле нет, режим лишь мимикрирует. Тем самым отбивая у этого режима малейшее желание к поступательным изменениям, лишая их смысла.

Тут важно отметить, что ни первые, ни вторые не имеют монополии на истину. Просто разница в оценках вытекает из разницы в целях.

Таким образом, определение понятий «политик» – «правозащитник» важно и для первых, и для вторых, и для общества в целом. Однако в реальной жизни отнесение тех либо иных общественных деятелей к этим категориям может быть очень непростым делом.

Но какой практический вывод, на мой взгляд, необходимо делать в итоге подобных рассуждений? Конечно, не тот, что правозащитники не имеют права стать политиками. Это – право каждого человека, и каждый сам для себя должен делать такой выбор. И тем более глупо говорить о том, что политики не должны заниматься защитой прав человека. Профессиональные правозащитники не имеют права и не должны приватизировать правозащитную деятельность. Наоборот, следует всеми способами развивать и поощрять защиту прав человека любыми структурами и группами, в том числе, политиками. В этом состоит кровный интерес правозащитников, на это ориентированы и международные стандарты, в первую очередь, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» (1998).

Думаю, что итогом рассуждений на тему «Политика-правозащита» должен стать вывод, что каждый, кто относит себя к этим категориям, кто готов взять на себя ответственность за развитие общества и государства и влиять на это развитие, должен понимать важность разграничения этих понятий. Частью ответственности перед обществом является необходимость сделать свой моральный выбор в определении своих целей и средств для их достижения.

Евгений Захаров,

---

*со-председатель Харьковской Правозащитной Группы
Харьков, Украина*

«СУХА ТЕОРИЯ, МОЙ ДРУГ ...»

Я прочитал статью Андрея Юрова с большим интересом – интересно было узнать, как понимают роль прав человека, соотношение правозащитной и политической активности, взаимодействие правозащитных организаций и государства «новые» правозащитники, начавшие работать уже после 1989 года. И хотя «старые» правозащитники уже разыграли эту тему и многое рассказали,¹ у каждого нового поколения возникают те же вопросы и новые вариации той же темы – «никого еще опыт не спасал от беды».

Казалось бы, вариация этого автора звучала вполне адекватно, с его утверждениями вполне можно было согласиться, но текст чем-то задевал. Я прочитал статью второй раз, третий – текст цеплял все больше. Дьявол, как известно, в деталях. Поэтому, в основном согласившись с предложенной концепцией, я в дальнейшем буду говорить о том, чего мне в этой статье не хватает, и о важных, на мой взгляд, нюансах – тех самых, которые задели.

Не хватает, прежде всего, определения, что понимается под правами человека и под защитой прав человека. Подразумевается, что это и так ясно. На самом же деле четкой непротиворечивой концепции прав человека не существует. Ее можно было бы выстроить, если принять сугубо либеральную трактовку прав человека, то есть понимать их только как так называемые права первого поколения – гражданские (или личные) и политические. К гражданским правам относятся право на жизнь, на защиту от рабства, свободу от пыток,

---

¹ См., например, статьи Ларисы Богораз, Сергея Ковалева, Кронида Любарского, Юрия Орлова тех времен, в частности, материалы семинара МХГ «История, философия и принципы и методы деятельности правозащитных организаций», проходившего в Москве 1-4 февраля 1991 г.

равенство перед законом, право на справедливый суд, на защиту от произвольного ареста, на приватность, на свободу передвижения и на убежище, на свободу мысли, совести и религии, свободу убеждений, слова, информации, печати и другие. К политическим правам относятся свобода мирных собраний и свобода ассоциаций, право на участие в управлении, право избирать и быть избранным и другие. Текст Юрова, в частности, п.4 «Общественные проблемы и права человека», дает основания полагать, что он придерживается именно либеральной концепции, но лучше было бы это высказать явно. И так же явно определить, в чем заключается защита этих прав, и каково в концепции Юрова отношение правозащитных организаций к правам второго и третьего поколений. Без ясности в ключевых понятиях возникает множество вопросов, на которые статья не дает ответа.

Так, без необходимых терминологических уточнений вызывают сомнения три положения, на которых основан подход автора, – о различии и, более того, противоположности между «политической борьбой» и «гражданскими действиями». Ведь на самом деле борьба в защиту общественных интересов, в том числе, за права человека, в посттоталитарном обществе всегда является политической деятельностью, если под последней понимать действия, направленные на согласование интересов.² Если же рассматривать политическую деятельность узко – как действия, направленные на достижение и использование власти с целью реализации собственной политической программы, тогда с этими положениями, вообще говоря, можно согласиться. Ниже, в п.3 статьи, Андрей Юров уточняет, что он рассматривает политику в смысле politics. Тогда все становится на свои места, но, на мой взгляд, автор сильно упрощает понимание политики, в частности, сложные взаимоотношения между policy и politics.

Сомнительным является жесткое противопоставление защиты избирательных прав и участие в избирательных кампаниях. Грань между участием в выборах в смысле politics и защитой права на честные и справедливые выборы такая тонкая, иногда просто незаметная, что ее часто просто невозможно не перейти. В сегодняшней России, например, мало у кого вызывает сомнение, что правозащитные организации должны поддерживать политические силы, реально отстаивающие демократические ценности, в том числе, и участвовать в избирательных кампаниях. Или, скажем, вопрос о поддержке на выборах правозащитника, который занялся политической деятельностью и баллотируется в парламент, – будет ли это правозащитной деятельностью? Да нет, цели уже

² Всеволод Речицкий. Политическая активность. Конституционные аспекты. – Киев, Сфера, 1999. – 496 с.

политические – достичь власти. Так что, отказать ему в поддержке? Можно привести в качестве примера поддержку Сергея Ковалева, когда он баллотировался в Государственную Думу, «Мемориалом» и другими правозащитными организациями. Кстати, автор сам себе здесь противоречит – в одном месте он пишет: «...правозащитники не отстаивают интересы кого-либо из кандидатов или партий, а лишь – право народа участвовать в принятии решений, в том числе, и при выборе власти», а в другом: «...они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите Прав Человека».

Андрей Юров, формулируя, в общем-то, верные тезисы, часто излишне категоричен. Вот он пишет: «...любой правозащитник должен четко понимать, что когда он выступает в защиту общественных интересов, власть никогда не должна являться врагом, она является только оппонентом и – потенциальным партнером». Но ведь государство и общество в любой посттоталитарной стране мозаичны. Одни органы власти являются союзниками правозащитников, например, омбудсмен, другие – противниками, просто в силу своих полномочий, третьи – и союзниками, и противниками одновременно. Очень много также зависит от конкретных людей во власти. Сегодня министр юстиции – союзник, завтра придет новый – и станет противником. Одни судьи – союзники, другие – всегда! – противники. Между противником и врагом, конечно, дистанция большая, но бывает и так, что целое ведомство ведет себя как враг, и фактически отношения между правозащитным сообществом и этим ведомством являются войной, и хорошо еще, если необъявленной. Интересно, может ли кто-то сегодня сказать, что ФСБ – потенциальный партнер российских правозащитников?

Дело ведь в том, что диалог между правозащитниками и органами власти может быть успешным, если он равный. А это возможно только тогда, когда участники диалога одинаково информированы, а сам он проходит в атмосфере взаимного доверия, уважения и помощи. Такой диалог – редкость в посттоталитарных странах. И ведь отнюдь не все правозащитники согласятся на априори неравный диалог и способны сохранить при этом независимость и самоуважение. По-видимому, правозащитному сообществу желательно иметь множественность стратегий взаимоотношений с органами власти и помнить, например, что, успешные судебные процессы против органов власти и их должностных лиц – один из лучших видов диалога. В общем, диалектика взаимоотношений правозащитников с государством гораздо сложнее, чем в описании Андрея Юрова.

Сложнее и многое другое. Вот Андрей пишет: «Если правозащитник идет во власть, он, к сожалению, перестает быть «действующим правозащитником» и становится «реальным политиком». И это, в общем-то, правильно – разделить правозащитников и политиков по признаку наличия или отсутствия цели достичь власти. Но кем являются сотрудники национальных институций по правам человека, таких, как офис омбудсмана? Это представители государства, но и правозащитники, если институт омбудсмана добросовестно выполняет свои функции. Так что водораздел отнюдь не такой жесткий.

Упрощается и то, что названо в статье проблемой асимметрии. Госслужащий обязан выполнять в соответствии с законом свои функции, касающиеся прав человека. Думаю, что для человека, называющего себя правозащитником, защита прав человека – обязанность тоже, иначе он не тот, за кого себя выдает. Но у правозащитника есть определенная свобода усмотрения. Он имеет право на мотивированный отказ от рассмотрения по существу жалобы на нарушение прав – потому, что он занимается другими вопросами в сфере прав человека и может не знать проблематики, с которой обратились, или потому, что он считает более важным посвятить свое время решению других проблем в сфере прав человека, – у него же не 48 часов в сутках.

Упрощением представляется и введение Андреем Юровым трех разных типов «несправедливостей». Автор фактически касается проблемы отделения прав от интересов, но так ее и не формулирует. Следовало бы это сделать, подчеркнуть, в чем различие прав и интересов. И тогда была бы более четкая классификация этих «трех типов» – защита прав человека; защита законных общественных интересов; защита общественных интересов, не закрепленных законом. Правда, остается неясным, куда отнести случаи, когда законодательство, защищающее права человека, вообще отсутствует – эти случаи данная классификация просто не предусматривает. Например, в украинском законодательстве вообще нет термина «дискриминация», нет определения ни прямой дискриминации, ни непрямой. Соответственно, не предусмотрена ответственность за дискриминационные действия.

Наиболее сомнительной является, на мой взгляд, последняя часть статьи под названием «Защита Прав Человека как способ изменить Систему». Утверждения «Правозащитник – это тот, кто бесплатно помогает страждущим. Правозащитная организация – это не благотворительная богадельня для всех, у кого нет денег заплатить адвокату», – просто, по-моему, неправильны. Пафос этот –

ложный, и он вовсе ни к чему. На самом деле все наоборот: если правозащитная организация не оказывает помощи в конкретных случаях нарушений прав человека, она либо мертва, либо не может называться правозащитной. Конечно, практической правозащиты недостаточно. Не менее важны информирование общества и государства о правах человека, распространение информации и знаний о правах человека и механизмах их защиты, а также анализ законодательства и практики, судебной и административной, и их изменение. Принципиально важно, что все три направления – назовем их условно защита, информирование и анализ – взаимосвязаны, работа правозащитников будет успешной только тогда, когда они поддерживают их одновременно.

Следующий тезис автора: «Если будут эффективно работать правовые системы и действительно механизмы будут совершенно иными, тогда не нужно будет тысяч бесплатных адвокатов, которые сидят на приеме, бесконечно консультируют людей», – тоже совершенно, на мой взгляд, неверен. Он свидетельствует об определенном непонимании Юровым проблемы доступа к правосудию. В благополучных и богатых Нидерландах около 50% граждан пользуется системой бесплатной правовой помощи, предоставляющей бесплатных адвокатов.

Представление о том, что, изменив законодательство и систему работы государственного аппарата, можно эффективно решить проблему соблюдения прав человека, – на мой взгляд, ошибочно в корне. Существенно большее значение имеют общий уровень культуры и правосознания, осознанное неприятие насилия, тем более, организованного государством, уважение к правосудию, словом, то, что обобщенно называют культурой прав человека. Т.е., как всегда, проблемы коренятся, в первую очередь, в людях, а не в системах и механизмах. Что, тем не менее, не должно отменять усилий правозащитников – по усовершенствованию законодательства и практики, воспитанию культуры прав человека, а также по осознанию и идентификации себя и своей роли в гражданском обществе.

Эльдар Зейналов,

*директор Правозащитного Центра Азербайджана
Баку, Азербайджан*

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ АНДРЕЯ ЮРОВА

«ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ...»

Вопрос соотношения политики и правозащиты стоял еще во времена советских диссидентов. Во имя уважения к правам человека одни из них призывали уважать советскую власть, уважать советскую же Конституцию, другие же требовали от коммунистов безоговорочно уйти от власти. В Хельсинки в 1975 г. ОБСЕ поддержала именно первый подход, и как-то с тех пор принято считать уговаривание властей «правозащитным» подходом, а давление и ультиматумы «политическим» (хотя коммунисты сажали на одни нары и тех, и других).

Ключевым разногласием является именно политика, если считать ее главной целью борьбу за власть. И не имеет значения то, что конкретные правозащитники или неправительственные группы сами не стремятся во власть. Если они укрепились во мнении, что изменение к лучшему в области прав человека при данной власти в принципе невозможно, что сама правящая партия и является главной правозащитной проблемой, то такие правозащитники ввиду общности целей смыкаются с политической оппозицией. Более того, сама правозащита может возникать как реакция на политические преследования оппозиционеров.

Я совмещал правозащиту с оппозиционной политикой 10 лет, и временами тоже ощущал раздвоение, когда мои товарищи предлагали избегать диалога с властью: «А вдруг власти послушаются и что-то исправят, улучшив свой имидж и продлив свое пребывание у руля?» И ушел из политики лишь за несколько недель до вступления Азербайджана в Совет Европы, поверив, что эта организация имеет достаточно сильные рычаги для изменения положения с правами человека. Но когда вижу, что

отец передает власть сыну, а любые выборы фальсифицируются под одобрительное ворчание получающего нашу нефть Запада, когда вижу, как в тени мечетей назревает новый «иранский вариант» смены власти, то понимаю, что для меня путь назад в политику все еще не отрезан.

Вообще в тех странах, где имеются консолидированные, имеющие внешнюю поддержку авторитарные и тоталитарные режимы, смыкание правозащитников с демократической оппозицией, да и включение проблемы прав человека в политические программы, естественно. Наиболее далеко они отстоят друг от друга в тех странах, где есть верховенство закона и исправить проблему можно через суд, а не путем государственного переворота. Мы же где-то на распутье и дрейфуем скорее к Узбекистану, чем к Прибалтике.

Владимир Лукин,

---

*Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации
Москва, Россия*

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ АНДРЕЯ ЮРОВА

«ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ...»

Выходит в свет новая книга Андрея Юрова «Тайны Прав Человека и политики, или Почему нормальное государство не может жить без правозащитников». Автор возвращается еще раз уже более конкретно и пространно к своей излюбленной теме: мнимое сходство и базовые различия между правами человека и политикой. Эта тема более чем актуальна сегодня, когда многие политики или считающие себя таковыми, стремящиеся во власть, используют правозащитную риторику. Более того, как справедливо отмечает автор, уже само обсуждение этой темы приводит к идеологическим и даже международным конфликтам, затрагивая интересы миллионов людей. Самый важный вопрос, поставленный автором, – почему важно отделить «гражданские и правозащитные действия» от «политической борьбы»?

Действительно, необходимо четко понимать, что такое правозащитные гражданские действия, и что это такое – политическая борьба. Сейчас зачастую даже сами правозащитники не всегда понимают эту фундаментальную разницу, что уж говорить о «политиках». У последних – попытка использования «модного бренда» борцов за свободы и права, так трудно завоеванного правозащитным сообществом.

А. Юров совершенно прав, когда подчеркивает, что и «политическая борьба», и «гражданские действия» необходимы в равной мере современному демократическому государству, но как самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством, как правило, противоположны по целям.

Полностью солидаризируюсь со следующим утверждением автора: цель правозащитников и гражданских активистов – решать

проблемы общества, защищать права людей; цель политиков, прежде всего, политической оппозиции, – стать новой властью, другими словами, стать «новыми нарушителями прав человека, потому что не существует власти, которая никогда бы не нарушала права человека» или присоединиться к действующей власти.

Понятно, почему автор делает упор именно на таких политиков, а не на существующие властные структуры, хотя и не забывает и их. Причина коренится в сути сегодняшней ситуации в России.

Главное же, на мой взгляд, в другой сентенции автора – политик, прежде всего, тот, который находится во власти, обязан соблюдать права человека. Для правозащитника же защита прав человека – это служение, избранное им добровольно. Он исправляет то, с чем не может справиться политик.

Могу подписаться и под следующими словами Андрея Юрова: «Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что они укрепляют государство». В самом деле, своей конструктивной критикой правозащитное сообщество добивается позитивных сдвигов, минимизирует отчуждение между обществом и государством, поворачивает государство к нуждам и чаяниям человека. Именно правозащитники и правозащитные организации являются одним из типов внесудебных механизмов защиты прав человека, именно они помогают государству выполнить одну из его функций – защиту прав и свобод человека. Как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – института внесудебной государственной защиты прав и свобод человека – я сегодня как никто другой понимаю на собственном опыте ту роль, которую играют в нашей стране правозащитные организации. Эта роль – роль посредника и щита. Да, гражданские активисты видят власть вначале в качестве оппонента, но, если они на практике стремятся защищать права человека и гражданина, то потом обязательно – в качестве партнера.

Вот почему я с удовлетворением прочитал материал Андрея Юрова и советую сделать то же самое всем тем, кто заинтересован в демократическом развитии России.

Елена Тонкачева,

---

*председатель Правления Фонда Развития Правовых Технологий
Минск, Беларусь*

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ АНДРЕЯ ЮРОВА «ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ...»

*Эволюция обеспечивается тонким механизмом
случайных воздействий (кибернетическим шумом)*

Из гносеологического принципа Колмогорова

Я с радостью приняла приглашение написать отзыв на статью Андрея Юрова «Тайны Прав Человека и политики, или Почему нормальное государство не может жить без правозащитников». Но написание далось непросто – вопреки тому, что отзыв должен был сложиться с легкостью (мне нравилась статья, к социальному творчеству автора я отношусь с интересом и доверием, считаю его уникальным в своем роде). Вдруг оказалось, что мое знакомство со статьей сродни знакомству Алисы и Пудинга в Зазеркалье: «Алиса, это Пудинг. Пудинг, это Алиса... Унесите Пудинг».

Перечитав статью несколько раз, я обнаружила, что попадаю в своеобразный лабиринт, наполненный шумами. Переходя от одного тезиса к другому и думая, что, пожалуй, именно об этом мне следует продолжить разговор, я все время возвращалась в одну точку. Разобравшись со своей реакцией, я отказалась от идеи вступать в обсуждение содержания статьи, разворачивать один или несколько тезисов сейчас и в этом тексте. Заложенная в статью инвариантность привела меня к этому решению.

Так сложилась конструкция этого отзыва.

Совмещение позиций мыслителя, социального экспериментатора (проектировщика) и собственно активного гражданского деятеля определяет, по моим представлениям, форму и содержание статьи Андрея Юрова. Такой подход отличает статью от многих разных

правозащитных текстов. И, похоже, статья обладает «фактором прилипчивости» (Малкольм Гладуэл, «Переломный момент, или Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам»), чего больно не хватает современным правозащитным текстам и текстам о Правах Человека.

Исходя из трех упомянутых выше позиций (только в обратном порядке), я предлагаю свое отношение к статье Андрея Юрова «Тайны Прав Человека и политики, или Почему нормальное государство не может жить без правозащитников».

Передача знаний и практическое применение.

Разделяя тезис о том, что природа наделила нас весьма скромными способностями к информационной адаптации и что в этом кроется основная причина необходимости системы передачи знаний от поколения к поколению, я считаю, что статья является подарком для целей правозащитного образования.

Всевозможные образовательные проекты весьма распространены в системе деятельности правозащитников. Опытные и совсем еще начинающие правозащитники стремятся передавать (попутно осваивая) «правозащитное знание» через организацию различных тематических семинаров, школ, дистанционных курсов и т.д. – такова сложившаяся практика. Я не стану останавливаться подробно на вопросах качества правозащитного образования, отмечу только, что являюсь сторонницей серьезных изменений в этой сфере.

Если учитывать, что скорость самообучения чрезвычайно мала (те, кто планирует правозащитное образование и собственно его осуществляет, не являются исключением из этого правила), то статья чрезвычайно полезна и имеет хорошие шансы «прижиться» в правозащитном образовании.

Думаю, через некоторое время мы будем свидетелями волны самостоятельных тренингов, построенных по модели этой статьи (не говоря о том, что в нормальную практику правозащитных тренингов войдет блок «Права Человека и политика»). Со статьей удобно работать разным по опыту и подготовке «образователям» (в беларуском языке в сфере неформального гражданского образования мы используем слово «адукатар» от слова «адукация» – «образование»). Статья прекрасно приспособлена для обучения: подходит для работы с разными целевыми группами, легко поддается планированию для разных по протяженности образовательных модулей от 3 часов до нескольких дней. Материал без особого труда адаптивен к различным техникам

(лекции, работе в группах, организации дискуссии), задает рамку и оставляет пространство для творческих находок тренера.

Вот пишу эти строки, а у самой уже масса идей и рабочих планов, и это хорошо.

Рефлексия и социальное экспериментаторство.

Опираясь на высказывание сатирика М.Жванецкого: «Мы все больше овладеваем более высоким стилем спора: спор без фактов, спор на темпераменте, спор, переходящий от голословного утверждения на личность партнера», предполагаю, что многое будет зависеть от стиля разговора, который, возможно, развернется вокруг статьи.

Статья задает разные контексты, разную тональность и разный фактор времени, в силу чего имеет перспективу затронуть за «живые нотки» многих: правозащитников разных поколений и школ, молодых политиков и активистов гражданских движений, оптимистов и скептиков из разных сред (возможно, научных и государственного управления).

Обнаружатся суждения о «заезженности» темы и ее малозначительности, а также важности и своевременности, парадоксальности постановки вопроса и многое другое. Найдутся те, кто устал от этих бесед, и те, кто обнаружат в статье исключительное новаторство и примутся обогащать тему новыми разворотами, принимая или отрицая существующий опыт. С отрицанием предыдущего опыта я сейчас все чаще сталкиваюсь, общаясь с новыми, как правило, молодыми людьми, приходящими в правозащиту. В свою очередь, агрессивное отрицание необходимости оценки правозащитной деятельности и пересмотра сложившихся подходов наблюдается в среде состоявшихся правозащитников. Всему этому есть объяснения. Возможно, за иллюстрациями (примерами), коими наполнена статья, некоторые увидят вызов привычной форме деятельности и сложившимся подходам, некоторые начнут защищать свою правоту, некоторые посмотрят на мир иначе и перенесут новый взгляд в деятельность, некоторые изобретут что-нибудь совершенно иное.

При этих столь разных смыслах, интересах, контекстах и тональностях, стоит надеяться, случится обсуждение статьи. И это замечательно; печально будет, если не случится.

Политика Прав Человека.

Опираясь на два тезиса Малкольма Гладуэлла о том, что «все мы в душе сторонники постепенности, и наши ожидания основаны на

размеренном течение времени» и «мир в переломный момент – это место, где неожиданное становится возможным, где радикальные перемены – это больше, чем вероятность, и что это (вопреки нашим представлениям) – несомненный факт», я нахожу, что статья Андрея Юрова требует серьезного отношения.

Контуры тезисов намечены, встроены в материал. Но только контуры.

Станет ли статья предметом отношения тех, кто осмысливает Политику Прав Человека (осознает себя субъектом этой Политики и носителем Политических целей)? Во многом ответ на этот вопрос зависит от позиции автора статьи. Если автор «рассекретит» этот свой замысел (если это не приписывается мною автору), заявит об этой цели и развернет тезисы для соответствующего отношения, то, вероятно, Политика Прав Человека вернется в правозащитное сообщество. Если позиция автора ограничится заявленной в статье, то, вероятно, эта цель не будет достигнута и, следуя утверждению В.Лившица, «в нужный момент и в нужном месте (Just in Time) природа, вероятно, приоткроет свою очередную тайну. Будем к ней снисходительны и терпеливы».

Будем же и к автору «Тайн Прав Человека и политики...» «снисходительны и терпеливы», но внимательны и требовательны.

Владимир Школьников,

экс-глава департамента демократизации БДИПЧ ОБСЕ, экс-директор «Фридом Хаус Европа»

Будапешт, Венгрия

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ АНДРЕЯ ЮРОВА

«ТАЙНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКИ...»

Андрей Юров написал короткую, но очень значимую статью, которая затрагивает целый ряд важных аспектов защиты прав человека. И хотя он старается сохранить некоторую дистанцию от текущей ситуации в его (и моей) родной России, статья не может не нести отпечаток того, что происходит с правозащитниками в этой стране. И это делает статью еще более актуальной и острой.

Андрей рассматривает вопрос о дискурсе и терминологии прав человека. И это принципиально важно. Выразить идеи прав человека может быть легко и органично на весьма гибком языке вроде английского, но сложно – на русском. Это не значит, – в противоречие тому, что в прошлом утверждали некоторые высокомерные представители Запада, – что просто потому, что на русском языке сложно выразить, к примеру, понятие «right to privacy», само такое понятие должно рассматриваться как чужеродное для этого общества. В конце концов, русское слово «правозащитник» сам по себе гораздо более точный и исторически наполненный термин, чем «human rights defender» по-английски. И все же язык играет значимую роль в том, как права человека воспринимаются в обществе. Андрей Юров пытается привлечь внимание читателей к проблеме, удерживая его по ходу изложения. На мой взгляд, ему это удастся, сохраняя свои аргументы краткими и не уходя по касательной в другие темы.

Часть статьи про правозащитников и государство особенно успешна. Аргумент о правозащитниках как посредниках между властями и народом имеет особое значение, и его необходимо повторять снова и снова, поскольку он не доходит до властей целого ряда стран пост-советского пространства и до западных «промоутеров демократии», стремящихся к цветным революциям. Послание Андрея Юрова могло бы заставить их сбавить свой пыл.

Хотелось бы увидеть в следующих статьях Андрея рассмотрение вопроса о квази-защитниках прав человека. Их много, и они разнообразны. Это не только «государственные негосударственные организации» (ГОНГО), но также и поддерживаемые государством многочисленные бюро по правам человека и правозащитные центры самого различного рода. Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что все более расширяющаяся международная бюрократия по правам человека изобилует лицами, для которых «права человека» это всего лишь работа (если не сказать бизнес), в которой делают карьеру, обрабатывая документы и перемещая их из одного международного офиса в другой. Для них встречи с реальными правозащитниками – возможность сфотографироваться. Во многих отношениях эти бюрократы, которые используют термин «права человека» в каждом предложении, не имея на самом деле ни понимания его происхождения, ни его значения, более опасны, чем те, кто использовал термин «так называемые права человека» в не столь отдаленном прошлом. Те, кто отрицает права человека, как Андрей Юров отмечает в своей статье, в конечном итоге окажутся на обочине истории. Современные вызовы в необходимости ответа на банализацию прав человека (или, используя русскоязычный термин, – их «забалтывание») и на ложное убеждение, распространенное в некоторых благонамеренных западных (и не только) организациях, что создание международных и национальных бюрократий по правам человека является полноценным защитным механизмом. Будем надеяться, что автор рассмотрит этот вопрос в будущем.

